

Шершеневич Габриэль Феликсович

**Философия права Г. Ф.
Шершеневича**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
Г12

Г12 **Габриэль Феликсович Ш.**
Философия права Г. Ф. Шершеневича: Том 1 / Шершеневич Габриэль Фелик-
сович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 818 с.

ISBN 978-5-521-31055-5

ISBN 978-5-521-31055-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава V. Государство.

Стр.

§ 25. Понятіе о государствѣ	199
§ 26. Государственная власть	214
§ 27. Государство и общество	230
§ 28. Задачи государства	241
§ 29. Происхожденіе государства	250
§ 30. Формы государства	261

Глава VI. Право.

§ 31. Постановка вопроса	273
§ 32. Нормы права	280
§ 33. Мотивы правового поведенія	290
§ 34. Право и государство	300
§ 35. Право и нравственность	315
§ 36. Критіи главныхъ теорій о сущности права	329
§ 37. Оправданіе права	354

Глава VII. Формы права.

§ 38. Общій обзоръ формъ права	368
§ 39. Законъ	381
§ 40. Виды законовъ	391
§ 41. Дѣйствіе закона во времени	397
§ 42. Дѣйствіе закона по мѣсту	409
§ 43. Законодательство въ Россіи	420
§ 44. Правовые обычаи	431
§ 45. Административный указъ	458
§ 46. Судебная практика	465

Глава VIII. Образованіе права.

§ 47. Ученіе школы естественнаго права	475
§ 48. Ученіе исторической школы	478
§ 49. Поправки Іеринга и Муромцева	488
§ 50. Ученіе экономическаго матеріализма	493
§ 51. Происхожденіе права	499
§ 52. Развѣтіе права	506

Глава IX. Система права.

§ 53. Основанія дѣленія	513
§ 54. Различіе по матеріальному моменту	522
§ 55. Различіе по формальному моменту	526
§ 56. Установленіе различія	533
§ 57. Государство, какъ субъектъ частно-правовыхъ отношеній	540
§ 58. Система публичнаго права	547
§ 59. Система частнаго права	554
§ 60. Историческое развѣтіе дѣленія права на публичное и частное	558

Глава X. Юридическое отношеніе.	Стр.
§ 61. Строеніе юридическаго отношенія	568
§ 62. Субъектъ права	574
§ 63. Объектъ права	588
§ 64. Субъективное право	600
§ 65. Правовая обязанность	618
§ 66. Движеніе юридическаго отношенія	623
Глава XI. Нарушеніе права.	
§ 67. Понятіе, виды и послѣдствія правонарушенія	629
§ 68. Уголовное правонарушеніе	644
§ 69. Уголовная отвѣтственность	656
§ 70. Гражданское правонарушеніе	676
§ 71. Гражданская отвѣтственность	690
Глава XII. Примѣненіе права.	
§ 72. Логическій процессъ примѣненія	699
§ 73. Принципы примѣненія права	704
§ 74. Критика	716
§ 75. Толкованіе	723
§ 76. Аналогія	742
Глава XIII. Методологія юридическихъ наукъ.	
§ 77. Задачи и методы правовѣдѣнія	758
§ 78. Догматическій методъ	768
§ 79. Историческій методъ	784
§ 80. Соціологическій методъ	791
§ 81. Критическій методъ	798

ГЛАВА I.

Философія права.

§ 1.

Задачи философіи.

Литература: Вундтъ, *Введеніе въ философію*, 1902, стр. 5—32; Паульсенъ, *Введеніе въ философію*, 1894, стр. 1—50; Корнелиусъ, *Введеніе въ философію*, 1905, стр. 1—52; Струве, *Введеніе въ философію*, 1890, стр. 57—404; Навиль, *Что такое философія*, 1896; Лесевичъ, *Что такое научная философія*, 1891; Дильтеи, *Сущность философіи* („Философія въ систематическомъ изложеніи“), 1909, стр. 1—70; Виядезьбандъ, *Что такое философія* („Прелюдія 1904, стр. 1—44“); Риккертъ, *О понятіи философіи* („Логосъ“, 1910, № 1); Спенсеръ, *Основныя начала*, 1897, стр. 1—130; Лопатинъ, *Положительныя задачи философіи*, 1886, стр. 1—81; кн. С. Н. Трубецкоѣ, *Метафизика древней Греціи* („Собраніе сочиненій“, т. III, 1910, стр. 1—44); Гротъ, *Философія и ея общія задачи*, 1904.

Философія обладаетъ весьма почтеннымъ прошлымъ. По своему возрасту она старше наукъ, которыя она выносила въ себѣ и которыя большею частью лишь недавно стали на ноги. Но и до сихъ поръ вопросъ о томъ, чтó слѣдуетъ понимать подъ именемъ философіи, не имѣетъ твердо установленнаго отвѣта. Какъ въ исторіи, такъ и въ настоящее время, философіи ставятъ задачи, далеко не сходныя по своему объему и содержанию.

Въ Греціи, съ которой начинается исторія европейской философіи, не существовало различія между философіей и наукою. Греческіе философы обладали всею совокупностью современныхъ имъ знаній, они были одновременно математики, фізики, астрономы, зоологи, ботаники, даже медики, а также знатоки этики и политики. Возможность для единичнаго ума охватить всю сумму

свѣдѣній о природѣ и обществѣ обусловливалась, конечно, незначительнымъ уровнемъ научнаго развитія и элементарностью познанія, приобрѣннаго посредствомъ опыта. Мало того, что греческая философія совпадала съ наукою, она включала еще въ свой составъ и житейскую мудрость, создавая правила благо-разумнаго поведенія, воздвигая идеалы человѣка и общества. Однако греческая философія, проникнутая свѣтскимъ духомъ, отграничилась отъ народной религіи и проявила отрицательное отношеніе къ политеизму и антропоморфизму, присущимъ греческому религіозному представленію ¹⁾.

Въ средніе вѣка близость философіи къ наукѣ, столь характерная для классическаго міра, нарушается. Научная мысль, способная обнаружить факты, несогласные съ установившимся католическимъ міровоззрѣніемъ, не находитъ доступа въ христіанское средневѣковое общество. Въ Откровеніи міръ познать и задача человѣка опредѣлена, а потому свободное научное изслѣдованіе неумѣстно. Философія же получаетъ особое назначеніе. Лишенная самостоятельности, она поступаетъ въ услуженіе къ религіи. Ея цѣлью становится рационалистическое оправданіе религіозныхъ догматовъ. Принимая догматъ за безспорное, философія обязывается привести надлежащія доказательства логической его вѣрности (*Cui Deus homo?*). Въ этой области ей не предоставлялась свобода усмотрѣнія, хотя трудно было, конечно, думать, чтобы за все время своего служенія философія не скопила тайно кое-чего лично для себя ²⁾.

¹⁾ Философіи буквально обозначаетъ любовь къ мудрости, философъ—это любитель (φίλος) мудрости (σοφία). По словамъ Геродота, Крезъ называлъ Солона философомъ за его путешествія безъ всякой корыстной цѣли, изъ одной лишь любви къ познанию. Самъ Геродотъ называетъ семь греческихъ мудрецовъ но философами, а софистами (*Исторія въ десяти книгахъ*, пер. Мищенко, I, 29, IV, 95). По преданію, передававшему Цицеронѣмъ, Плевагоръ первый присвоилъ себѣ имя философа (*Тускуланскія бесѣды*, V, 3). Платонъ философіею называлъ и отдѣльныя науки, напр., геометрію. Аристотель, съ одной стороны, отождествляетъ философію съ научнымъ знаніемъ, а съ другой—обособляетъ ее подъ именемъ первой философіи (ή πρώτη φιλοσοφία), какъ ученіе объ основаніяхъ началъ бытія (*Метафизика*, кн. IV, гл. 1—3).

²⁾ По мнѣнію основателя средневѣковой философіи Іоанна Скотта Эригены (IX вѣкъ), истинная философія въ то же время и истинная религія, и, обратно, истинная религія не можетъ не быть философіей. „Человѣческая мудрость,—говорилъ Петръ Даміанскій (XI вѣкъ),—должна смириться и никогда не выходитъ изъ роли

Въ новое время, которое характеризуется освобожденіемъ отъ рковнаго авторитета, философія стремится отмежеваться отъ теологіи и сблизиться съ наукой, для которой со времени реформациі открывалось широкое поле дѣятельности. Опасенія католицизма вполнѣ оправдались. Успѣхи астрономіи и новыя географическія открытія поколебали довѣріе къ догматическому міросозерцанію, а вѣра въ разумъ подорвала вѣру въ авторитетъ. Несмотря на успѣхи наукъ, кругъ знаній остается все же настолько еще незначительнымъ, что выдающіеся умы, какъ и въ греческой періодъ, сохраняютъ возможность овладѣть ими вполнѣ и соединить съ ними философію. Относительно Декарта, Бэкона, Лейбница, Ньютона, Локка трудно сказать, преобладаетъ ли въ нихъ философъ надъ ученымъ или ученый надъ философомъ.

Но насталъ моментъ, когда это единеніе между наукой и философіей оказалось вновь нарушеннымъ, на этотъ разъ не по независящимъ обстоятельствамъ, а по винѣ философіи. Въ первую четверть XIX столѣтія германская философія оторвалась отъ науки и самоувѣренно пыталась достигъ цѣли познанія помимо научнаго пути. Возбравшись на крайнія высоты метафизической спекуляціи, философія горделиво поглядывала на кропотливую дѣятельность ученыхъ, и выбрасывала одну за другой системы, сполна объясняющія все сущее ³⁾.

Между тѣмъ, въ то же самое время, научная пылкость, освобожденная отъ всякихъ оковъ, бросилась во все углки міра, стремясь всюду открыть новыя факты и соответственно измѣнять въ глубь и въ ширь прежнее міропознаніе. На этомъ поприщѣ, для достиженія успѣшныхъ результатовъ, потребовалось прежде всего научное раздѣленіе труда, и дѣло специализаціи пошло огромными шагами по мѣрѣ раскрытія новыхъ областей знанія.

мощной служанки". Также и Тома Аквинскій (XIII вѣкъ) признаетъ философію за ancilla theologiae.

³⁾ Системы Фихте, Шеллинга и Гегеля исходятъ изъ убѣжденія, что чистое мышленіе, не выходя изъ круга понятій, способно открыть абсолютное познаніе дѣйствительности, независимое отъ опыта, а слѣдовательно и отъ опытныхъ наукъ. Фихте принимаетъ спекулятивный методъ къ исторіи, Шеллингъ—къ природѣ, Гегель—ко всей вообще дѣйствительности. Въ лицѣ Гегеля это философское самоувѣреніе достигаетъ кульминаціоннаго пункта, и въ его же лицѣ терпитъ пораженіе отъ противоположнаго дающимъ науки.

Масса ученых, съ малоизвѣстными міру именами, работаетъ надъ накопленіемъ научнаго капитала. Лишь только въ какой-либо области знанія матеріаль значительно разрастется, какъ изученіе его распродѣляется между новыми группами, и происходитъ распаденіе одной науки на нѣсколько. Такимъ образомъ формируются одна наука за другою и обособляются отъ нѣкогда единаго знанія.

Почувствовавъ въ себѣ силу, науки приняли наступательное движеніе по отношенію къ своему прежнему союзнику, а потомъ сопернику. Въ своемъ наступленіи онѣ стали занимать, одну за другою, части той территоріи, которая нѣкогда принадлежала философій. Въ этой войнѣ философія, дѣйствующая быстротою передвиженія, силою патиска, неожиданностью появленія, должна была, по общему стратегическому закону, уступить наукамъ, которыя дѣйствуютъ медленно, методически и надвигаются на непріятеля массами, т.-е. фактами.

Успѣхи естествознанія и исторіи вызвали реакцію противъ философій, длившуюся довольно долго. Но, одержавъ блестящую побѣду, науки стали испытывать чувство разрозненности, сознавать утрату прежняго единства. Чѣмъ дальше идетъ научная спеціализація, тѣмъ сильнѣе ощущается потребность въ синтезѣ. Мысль вновь потянулась къ философій, и стало очевидно, что настала пора смѣнить враждебное отношеніе мирнымъ взаимодействіемъ, къ выгодѣ той и другой стороны. Однако на какихъ условіяхъ возможенъ миръ? Останется ли за философіей территорія, хотя небольшая по сравненію съ прежней, но все же самостоятельная, пока не занятая науками, а можетъ быть и недоступная для нихъ, возможно ли совмѣстное господство философій и науки на одной и той же территоріи, при томъ безъ всякой связи между ними или при самомъ тѣсномъ взаимодействіи?

За отдѣленіемъ цѣлаго ряда областей, которыя принадлежали нѣкогда философій, а теперь пріобрѣли научную самостоятельность, осталось нѣсколько наукъ, на которыя философія до сихъ поръ заявляетъ исключительныя притязанія: это логика, психологія, этика, эстетика и педагогика. Конечно, возложить преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ на одного профессора можно, но едва ли допустимо признавать эту сумму знаній за филосо-

фию. При такой постановкѣ извращается историческая идея философіи, — гдѣ же естествознаніе, которое составляло нѣкогда главное ея содержаніе и безъ котораго недостижима полнота міровоззрѣнія? Съ другой стороны, сохраненіе перечисленныхъ предметовъ знанія въ нѣдрахъ философіи—вопросъ времени, и едва ли далекаго. Психологія, благодаря завязавшимся тѣснымъ сношеніямъ съ физиологіей и психіатріей, почти совсѣмъ встала на научную почву ⁴⁾. Къ тому же обнаруживаютъ явное стремленіе логика и этика, а педагогика, преобразованная въ педологію, и эстетика, вѣроятно въ недалекомъ будущемъ проявятъ тѣ же наклонности. Тогда наука займетъ уже всю территорію.

Но, можетъ быть, существуетъ такая область пзъ прежней философской территоріи, которая навсегда останется внѣ поля изслѣдованія специальныхъ наукъ, а потому способна дѣйствительно составить исключительное достояніе философіи? Нѣкоторые склонны видѣть эту недоступную для специальныхъ наукъ твердыню въ теоріи познанія, изслѣдующей условія нашей познавательной дѣятельности, т.-е. возможность и границы познанія, иначе теорію самой науки ⁵⁾. Въ такой постановкѣ философія обладала бы особымъ предметомъ изученія, какъ и всякая наука, а потому приняла бы характеръ специальной науки. Однако при превращеніи философіи, какъ теоріи познанія, въ одну пзъ наукъ, пришлось бы прежде всего столкнуться съ вопросомъ о размежеваніи философіи съ нѣкоторыми близкими науками. Можно конечно, утверждать, что теорія познанія, какъ ученіе объ условіяхъ познанія, не совпадаетъ съ логикой, какъ ученіемъ о формахъ познанія ⁶⁾. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что ученіе о по-

⁴⁾ „Психологія, какъ это уже общепризнано, не представляетъ собою въ настоящее время философской науки въ собственномъ смыслѣ, а лишь такую же самостоятельную область, какъ физика, или химія, или исторія“ (W a d t, *Einführung in die Philosophie*, 1906, стр. 14).

⁵⁾ Р и з з, *Теорія науки и метафизики съ точки зрѣнія философскаго критицизма*, 1887; болѣе осторожно въ статьѣ, помѣщенной въ „*Философіи въ систематическомъ изложеніи*“, 1909, стр. 89; см. еще „*Введеніе въ современную философію*“, 1903, стр. 23.

⁶⁾ Напр. Паульсенъ, *Введеніе въ философію*, стр. 17, говоритъ: „Наукой о познаніи должна будто бы быть философія. Но вѣдь такая наука издавна носитъ другое имя—логика или теорія познанія“.

знанія въ широкомъ смыслѣ обнимають и логику, а логика въ широкомъ смыслѣ обнимають и теорію познанія. Примыкая одною стороною тѣсно къ логикѣ, теорія познанія другою стороною также близко соприкасается съ психологіей. Но, если даже область спеціальнаго изученія теоріи познанія можетъ быть точно опредѣлена, все же самое стремленіе превратить философію въ спеціальную науку и поставить ее въ ряду другихъ, противорѣчить издавна сложившемуся представленію, въ силу котораго философія не сопоставляется, а противопоставляется спеціальнымъ наукамъ, стоитъ не рядомъ и не среди нихъ, а надъ ними. Всякій согласится, что философію, какъ бы ни быть важнѣйшій предметъ спеціальнаго ея изученія для всего человѣческаго знанія, нельзя считать такою же спеціальною наукою, какъ анатомія, химія, языковѣдніе и т. п., если только не отрѣшиться отъ того представленія о философіи, какое навязывается всей богатой ея исторіей.

Наука имѣетъ дѣло съ явленіями, и только ихъ изученіе, сравненіе, обобщеніе, классифицированіе возможно для науки. Изслѣдованіе же того, что стоятъ за явленіями, и что, можетъ быть, составляетъ неизвѣстную причину ихъ, наукѣ недоступно, но возможно, говорятъ, для философіи, которая становится тогда метафизикою. Подъ именемъ метафизики слѣдуетъ понимать познаніе міра дѣйствительности, за предѣлами явленій, достигаемое посредствомъ возвышающагося надъ опытомъ умозрѣнія ⁷⁾.

Передъ метафизикою встаетъ рядъ вопросовъ огромной важности: въ чемъ сущность міра, скрытаго за явленіями, безсмертна

⁷⁾ Таково въ сущности опредѣленіе Лопатина, *Положительныя задачи философіи*, если сопоставить указанія на стр. 80 и 289—290. Несмотря на то, что метафизика одно время почти совершенно потеряла довѣріе, въ послѣднее время она снова подняла голову. Многие и сейчасъ понимаютъ философію только какъ метафизику. По мнѣнію Лопатина, *Положительныя задачи философіи*, ч. I, 1888, метафизическое знаніе и философія односторонни (стр. 18), а „метафизическое знаніе есть вѣчто прямо противоположное знанію положительному“ (стр. 32), религія и философія „начинають являть тамъ, гдѣ положительное знаніе останавливается“ (стр. 7). Того же взгляда кн. С. Трубецкой, *Метафизика древней Греціи*, 1910, который говоритъ: „откиньте метафизику, философія распадется“, „метафизика есть то, что дѣлаетъ философію философіей“ (стр. 30). Точно такъ же и для Челпанова, *О положительныхъ философіяхъ античенности*, 1902, „терминъ метафизика тождественъ съ терминомъ философія“ (стр. 5).

ли душа, зачѣмъ существуетъ человѣкъ и каково его назначеніе, какъ постичь Бога и др.

Такъ какъ метафизика, не довольствуясь относительнымъ знаніемъ, какое даетъ намъ опытная наука, стремится къ постиженію абсолютнаго, то доказываніе невозможности метафизики основывается иногда на отрицаніи абсолютнаго. Но такое отрицаніе само по себѣ метафизично, потому что оно строится на предполагаемомъ знаніи того, что знать человѣческому уму не дано. Однако, допустивъ абсолютное, какъ предполагаемую причину явленій и какъ предѣлъ нашей познавательной способности, ограниченной условіями нашей организаціи, мы можемъ и должны отвергнуть его познаваемость. Куда бы ни обратился человѣческій умъ съ своими запросами, онъ всюду наталкивается на собственную ограниченность, на неспособность выйти изъ себя. „Рыба въ пруду можетъ плавать лишь въ водѣ, а не въ землѣ, но она можетъ все-таки толкаться головою въ дно и берега“ *). Отрицаніе познаваемости абсолютнаго вовсе не предполагаетъ предварительнаго изслѣдованія его природы. Достаточно признать существованіе стѣны, воздвигнутой нашей собственной организаціей и раздѣляющей познаваемое отъ непознаваемаго.

Можетъ быть, непознаваемость эта только временная, и весь вопросъ сводится къ передвиженію границъ между познаваемымъ и непознаваемымъ? Быть можетъ метафизика ставитъ вопросы, и даетъ на нихъ отвѣты, пока не поспѣетъ за ней болѣе тяжеловѣсная наука и не разъяснитъ ихъ? То, что сегодня кажется наукой непознаваемымъ, открыто только для метафизики, пока завтра не станетъ доступнымъ и для науки. Но это не такъ. Метафизика невозможна не потому, что ея вопросы не стали еще предметомъ научнаго изслѣдованія, а потому что они никогда не станутъ достояніемъ науки. Мы можемъ въ подробности изучить земной міръ и даже солнечную систему,—и все же никогда не постигнемъ міра въ его пространственной и временной безконечности. Мы можемъ въ точности установить время появленія человѣческаго рода на землѣ и всѣ ступени пройденнаго имъ развитія,—и все же мы никогда не откроемъ, зачѣмъ человечеству

*) Ланге, *Исторія материализма*, изд. 1883, т. II, стр. 56.

пужно было появиться на землѣ, для чего каждый человѣкъ въ отдѣльности зарождается и умираетъ. Стѣна, раздѣляющая познаваемое отъ непознаваемого, обладает волшебнымъ свойствомъ: чѣмъ длиннѣе лѣстница, которую приставляетъ человѣкъ, съ цѣлью перелѣзть черезъ стѣну, тѣмъ выше вверхъ уходитъ сама стѣна. Чѣмъ меньше знаетъ человѣкъ, тѣмъ легче кажется ему перешагнуть препятствіе.

Но, говоря, отъ метафизики, при всемъ убѣжденіи въ ея невозможности, никакъ нельзя отдѣлаться, потому что человѣку врождено метафизическое влеченіе. Вся полнота опытнаго знанія не удерживаетъ и не удержитъ человѣка отъ постановки метафизическихъ вопросовъ: „гоните ихъ въ одну дверь, они войдутъ въ другую“¹⁵). Это вѣроятно, и, можетъ быть, весь трагизмъ человѣческой жизни заключается въ непостижимости ея цѣли. Тѣмъ не менѣе философія никогда не дастъ человѣку убѣдительнаго отвѣта на этотъ назойливый вопросъ. Человѣкъ можетъ, конечно, вѣрить въ то или другое его рѣшеніе, но это не будетъ научный отвѣтъ, обставленный доказательствами, обращенными къ его уму, и метафизика, которая берется за такіа задачи, неизбежно уходитъ въ область религіознаго вѣрованія и поэтическаго творчества¹⁶).

¹⁵) Изъ метафизическаго влеченія человѣка Вундтъ выводитъ положеніе, что „если метафизика необходима, то она должна быть и возможной“ (*Systematische Philosophie*, 1907, стр. 132).—положеніе, напоминающее кантовское: „ты можешь, потому что ты долженъ“. Самъ Вундтъ даетъ опредѣленіе метафизики, подъ которымъ едва ли подишется настоящій метафизикъ: „метафизика—это попытка (Versuch), предпринятая на почвѣ всего научнаго сознанія какой-нибудь эпохи или особенно выдающагося ея содержанія, построить міровоззрѣніе, объединяющее составныя части спеціальнаго знанія“ (стр. 110).

¹⁶) „Поскребите метафизику,—замѣтилъ Шопенгауэръ,—изъ подъ нея выступитъ теологія“. Въ защиту метафизики нерѣдко выдвигаютъ ея облагораживающее вліяніе, ея способность поднимать идеалистическое настроеніе. Только метафизикѣ свойственна безкорыстная любовь къ вѣчной истинѣ. „Если отрицать не только познаваемость истинны, но и самое существованіе ея, во что обратится наука?“ (Допатинъ, *Положительныя задачи философіи*, стр. 79). Философія, стремящаяся обойтись безъ метафизики,—„бездушна“, по мнѣнію кн. С. Трубецкаго, *Метафизика древней Греціи*, стр. 29, „плоска“, по мнѣнію Виндсальбаха, *Прелюдіи*, 1904, стр. 29. Противъ такого довода въ пользу метафизики правильно возражаетъ Лассъ, *Идеализмъ и позитивизмъ*, стр. 12: „гениальный поэтъ мыслитъ и благородство настроенія еще не достаточно надежныя признаки истинны; напротивъ, они чаще ослѣпляли, нежели освѣщали, чаще опьяняли, нежели укрѣпляли“.